

* * *

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке солёные грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы,
И до них половик как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растёт в огороде капуста,
Поглядеть – ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной –obeliski.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал, и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

Вдова

Письма, письма, горькие святыни!..
Потому и знала, что живой.
Треугольник, с веточкой полыни,
Намекнул о жизни полевой.

Спрашивал, как дом и коровёнка,
Он писал про фронтовой концерт.
Не решалась долго почтальонка
Протянуть с печатями конверт.

Прижимала лёгкого мальчонку.
День да ночь потухшая жила,
Ненавидя эту почтальонку,
Что в конверте горе принесла.

На буфет приладила иконку,
И ушла тихонько на покой,
И, в столе оставив похоронку,
Поделилась памятью со мной.

Порой мила, порой несносна,
То тарыхтит, а то молчит,
Бывает, что посмотрит постно,
А иногда развеселит.

Как будто краски видит слабо
И к жизни не расшевелить,
И впору плюнуть – что за баба,
Ни так, ни сяк не угодить!

По кругу, словно бесы, водят,
Не тот вокзал, пустой перрон,
Не те слова на ум приходят,
И платье с туфлями не в тон.

От мыслей чёрных потускнела,
Весь мир, порою не любя...
И я не в зеркало смотрела,
А заглянула вглубь себя.

Последний житель

В деревне единственный житель,
Ни шума, ни звона окрест,
Отшельник, а может, смотритель
Суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,
Не страшно средь леса вдовцу,
И зайцы, и лисы, бывает,
Без страха подходят к крыльцу.

Залает приبلудная шавка,
Не сыщешь печальной земли –
Не ходит сюда автолавка,
Дороги травой заросли.

Холодные ветры всё древней,
На карте участок пустой,
Как будто с ушедшей деревней
Всё меньше России самой.
А он, как оставлен на страже,
Сидит у могилы мертво
И как-то не думает даже,
А кто похоронит его?

* * *

Старушка грядки прибирает
И в церковь носит все грехи.
Как хорошо: она не знает
О том, что я пишу стихи.

Что страшно мне одной в квартире,
Что, света лунного боясь,
Порой не сплю и в этом мире
Не очень как-то прижилась.

Я для старушки лишь соседка,
Идёт она, душой светла,
Бывало, скажет: «Тётка Светка,
Тебе гостинцев принесла».

Придёт ко мне пустая редко,
То яблок даст, то огурцов.

Её простое – «тётка Светка»
Дороже мне моих стихов.

Ей не до злых, не до богатых,
Чего за них переживать?
Без этих пальцев узловатых
И строчки мне не написать.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то – под каждым кустом.
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день
И не крестит, а всё отпевает
Поколенья глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха,
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

* * *

Бесславная, обычная, проснусь,
Зажмурюсь я от утреннего света.
Я почестей и титулов боюсь –
За ними не видать уже поэта.

Когда как все земные – значит, жив.
Я сыплю одиночество по ложке,
Автографы однажды невзлюбив.
Всё легче расписаться на платёжке.

Всё для души – грибами полон лес,
Тропа к нему, иду себе не прытко,
И каждый день – как будто до небес
Достать рукой ещё одна попытка.

Дедушка

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз:
«Мы на часок». Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.

Вон над макушкой звезда
И зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно – один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» – спрошу осторожно.
«Да куда ему деться, стоит!».

Так ответит – легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? – ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

* * *

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить –

Всё о том, о чём хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели,
А сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
Ни души на берегу,
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города.

Вспоминать бы всё, что мило,
Вспоминать под шум дождя,
Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
Но об этом промолчим.

* * *

Всё где-то там, в какой-то стороне
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звёзды в маленьком окне
Хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
Когда душа не просится на паперть,
И нет обид, и некого прощать,
И под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном,
Мой тихий дом как будто ближе к бору,
И шлёпаю, укутавшись платком,
По длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
И запахов, и света за порогом,
Душа чиста – всё вымели ветра,
И я осталась с Родиной и Богом.

